

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР 18+

САЯКА МУРАТА

コンビニ人間

Привет! Меня зовут

.....Человек-
.....комбини.....

(Homo combini)

いらっしゃいませ!

Стаж, лет: 18

Самая продаваемая книга крупнейшего
лондонского магазина **Foyles** в 2018 году

JAPAN FOUNDATION 国際交流基金

Книга издана при поддержке
Японского Фонда

ゾンビ人間

Саяка Мурата

Человек-комбини

(Homo combini)

Перевёл с японского
Дмитрий Коваленин

POPCORN BOOKS

Москва

Table of Contents

1. Обложка
2. Человек-комбини
3. Примечания

Человек-комбини

Магазинчик-комбини [1] наполняют самые разные звуки. Перезвон курантов при входе и выходе покупателей. Голоса поп-звёзд, рекламирующих новый товар между песенками по кабельному радио. Зазывные приветствия продавцов. Пищанье сканера при считывании штрихкодов. Стук товара о дно корзины. Шелест упаковки взятого с полки хлеба. Задумчивое цоканье каблучков. Всё это сливается в единую «Симфонию комбини», ласкающую мои барабанные перепонки.

Из холодильника возле кассы вынимают бутылку, на её место выкатывается новая. *Клац!* — и я поднимаю голову. Холодные напитки часто берут в последнюю очередь, и на это клацанье моё тело отзывается рефлекторно. Но покупательница, взяв минералку, не проходит на кассу, а зависает над полками с десертом, и я вновь опускаю взгляд.

Выставляю на стеллаже только что завезённые онигири [2], и моё тело считывает информацию из бесчисленных звуков, рассеянных по магазину. В эти утренние часы хорошо продаются онигири, сэндвичи, салаты. В другом конце зала Сугавара, такая же временная работница, как и я, проверяет поступивший товар, орудуя маленьким сканером. А я методично,

упаковку за упаковкой, расставляю чистенькие, вылепленные роботами рисовые лепёшки. Двумя рядами на центральной полке выкладываю новинку — с минтаевой икрой и сыром; ещё в два ряда по соседству — с тунцом и майонезом, они у нас нарасхват; а те, что с тунцовой стружкой, которые почти не покупают, помещаю в самом углу. В этом процессе главное — скорость, и я почти не включаю голову: моё тело просто следует правилам, пропитавшим меня изнутри.

Дзын-нь! — еле слышно звякает мелочь; голова моя тут же поворачивается, взгляд устремляется к кассе. К звукам денег я очень чувствительна: те, кто бренчит монетами в ладонях или карманах, как правило, заскочили сюда за газетами-сигаретами и торопятся уйти. Я не ошиблась: к кассе подходит мужчина — одна рука в кармане, в другой — банка кофе. Чтобы не заставлять клиента ждать, я мигом перепархиваю через зал, проскальзываю за прилавок и сгибаюсь в лёгком поклоне за кассой.

— *Ирассяимасэ!* [3] Доброе утро! — приветствую я и беру банку из его рук.

— Ах да! Ещё пачку сигарет. Номер пять...

— Слушаюсь!

Достаю пачку лёгких «Мальборо» с ментолом, сканирую штрихкод.

— Для подтверждения возраста, пожалуйста, коснитесь экрана.

Он прижимает палец к монитору, но тут его взгляд падает на витрину с горячим фастфудом, и моя рука застывает над клавишами кассы. Я, конечно, могла бы спросить его: «Что-нибудь ещё?» — но решаю подождать, пока он сам не определится с выбором.

— И ещё корн-дог [4].

— Конечно. Большое спасибо.

Протираю руки спиртовыми салфетками, открываю витрину, заворачиваю корн-дог.

— Горячее и холодное упаковать отдельно?

— Да ладно! Можно и вместе.

Быстро укладываю кофе и корн-дог в пакет размера S. Мужчина вдруг перестаёт бренчать мелочью в кармане брюк и, спохватившись, лезет в нагрудный карман. Видно, решил расплатиться картой.

— У меня «Суйка» [5].

— Поняла вас. Приложите сюда, пожалуйста.

Тело машинально считывает все невольные жесты и взгляды покупателей — и отзывается на эти сигналы. Глаза и уши сканируют мельчайшие движения и пожелания клиентов. Стараясь не раздражать их излишней предупредительностью, мои руки порхают сами, исходя из полученной информации.

— Ваш чек, пожалуйста. Благодарим за покупку!

Забрав чек, мужчина бросает «спасибо» и исчезает.

— Простите за ожидание. Доброе утро, добро пожаловать, — кланяюсь я стоявшей за ним девушке. И чувствую, как исправно движется время под

названием «утро» в этой залитой солнцем стеклянной коробке.

За стеклом, надраенным так, чтобы не осталось ни отпечатка пальца, деловито снуют по улице пешеходы. Начало дня. Мир просыпается, его шестерёнки начинают вертеться. Вместе с ними верчусь и я. Став одной из его деталей, проворачиваюсь во времени суток под названием «утро».

Собираюсь бежать обратно к стеллажу с онигири, но тут меня окликает наша заведующая Идзүми-сан:

— Фурукура! Сколько у тебя в кассе пятёрок? [6]

— Только две осталось!

— О чёрт! И чего это сегодня сплошь десятки несут? Вот и в сейфе уже ни одной... Как только схлынет клиент, примем товар — и схожу-ка я в банк.

— Спасибо!

Ночных сменщиков не хватает, так что по ночам на работу выходит наш директор, а в дневные часы мы в паре с Идзүми-сан, моей сверстницей, заправляем магазином, точь-в-точь как настоящие продавцы на полной ставке.

— В общем, часиков в десять сбегаю разменяю... Ах да! Придёт клиент, который заказывал суси, учти!

— Ха-ай...

Смотрю на время: десятый час. Вот-вот схлынет утренний поток покупателей, мы быстро примем товар — и начнём готовиться к обеденному вавилону. Распрямив плечи, возвращаюсь в зал к онигири.

Свою жизнь до перерождения в Человека-комбини я помню смутно.

Выросла в пригородном микрорайоне — в обычной семье, окружённая обычной родительской заботой. Хотя сама была ребёнком со странностями.

Так, однажды, ещё когда ходила в детсад, я увидела в парке мёртвую птицу. Красивую, сине-зелёную — обычно таких держат дома. Птица лежала в траве с закрытыми глазами и свёрнутой шеей, и дети, обступив её, плакали. «Что же делать?!» — всё причитала какая-то девочка, а я положила птицу на ладонь и отнесла к маме, болтавшей с кем-то на лавочке.

— Что с тобой, Кэйко? Ох, птичка... Откуда же она прилетела? Бедняжка! Давай похороним её? — предложила мама и погладила меня по голове.

— Давай её съедим, — ответила я.

— Что?!

— Ну, папа же любит якитори [7]. Вот сегодня пожарим и съедим.

Решив, что меня плохо слышно, я повторила это громче и отчётливей. Мама вздрогнула, а мать другой девочки, сидевшая рядом, выпучилась на меня — то ли от удивления, то ли ещё почему. Глаза и рот её распахнулись, ноздри расширились, и это выглядело так странно, что я чуть не прыснула со смеху, но заметила,

что она уставилась на мою руку, и подумала, что одной птички папе, наверное, не хватит.

— Принести ещё?

Я оглянулась на парочку воробьёв, скакавших неподалёку, но тут мама наконец пришла в себя.

— Кэйко! — закричала она с упрёком. — Нужно вырыть птичке могилку и похоронить её. Все детки плачут, видишь? Всё равно что дружок умер. Ты не хочешь её пожалеть?!

— Зачем? Она всё равно уже мёртвая.

Мой ответ лишил маму дара речи.

В моей же голове только и вертелась картинка: мы всей семьёй уплетаем эту пичужку за обе щеки. Папа любит птицу на углях, мы с сестрой обожаем фритюр. В этом парке столько птиц, не понимала я, можно принести побольше домой и наесться от пуза, зачем же закапывать в землю?

Но мама не унималась:

— Смотри, какая миленькая... Давайте выроем для неё могилку, где-нибудь вон там, а потом все вместе принесём туда цветы!

В итоге все так и поступили. Зачем — я не понимала, хоть тресни. Что взрослые, что дети в один голос всхлипывали, жалея «бедную птичку», и без всякой жалости выдёргивали с корнями цветы на газонах вокруг.

— Какие красивые цветочки! Пускай птичка порадует! — причитали эти люди так, будто все разом

сошли с ума.

За оградой с надписью «По газонам не ходить!» они вырыли ямку, похоронили птицу, воткнули сверху палочку от мороженого из соседней урны — и завалили могилку трупиками погибших цветов.

— Как печально, Кэйко, правда? Бедная птичка, скажи? — твердила мама как заведённая, но ни капли жалости я в себе так и не ощутила.

Похожие ситуации повторялись снова и снова. Когда я только пошла в первый класс, на уроке физкультуры двое мальчишек сцепились в драке, поднялся жуткий переполох.

— Позовите учителя! — завизжали все вокруг. — Остановите их кто-нибудь!

«Ага! — догадалась я. — Так значит, их надо остановить?»

Рядом оказался ящик с пожарным инструментом, я открыла его, достала совковую лопату, подбежала к дерущимся и огрела кого-то из них по голове.

Раздался жуткий крик, пацан схватился за голову и рухнул наземь. Убедившись, что он затих, я развернулась, чтобы унять его соперника, и уже замахнулась лопатой снова, но девчонки вокруг завизжали навзрыд:

— Кэй-тян, стой! Прекрати!

Тут наконец прибежали учителя — и, обалдев от увиденного, потребовали от меня объяснений.

— Все кричали «остановите их», — пожалала плечами. — Ну, я и остановила. Самым быстрым способом.

В полном замешательстве учителя принялись сконфуженно повторять, что насилие — это не способ.

— Но все же хотели, чтобы Аóки с Ямадзáки перестали драться! Вот я и решила, что так-то уж точно их разниму, — объясняла я как можно вежливей, не понимая, за что на меня сердятся. Но в итоге маму вызвали на заседание педсовета.

Глядя, с каким серьёзным лицом мама кланяется каждому учителю — «Извините! Простите!», — я чувствовала, что мой поступок, наверно, и правда был чем-то непростительным, но почему — для меня оставалось загадкой.

Нечто похожее случилось и на другом уроке, когда учительница в классе вдруг забилась в истерике и начала, истошно воя, колотить журналом по столу.

— Сэнсэй, простите нас!

— Не надо, сэнсэй!

Мы умоляли всем классом, но она не унималась. И тогда, надеясь заставить её умолкнуть, я подбежала к ней и решительно сдёрнула с неё юбку вместе с трусиками. Молоденькая учительница ахнула и разрыдалась, но уже очень скоро затихла.

Прибежавшему на её вопли учителю из соседнего класса я объяснила, что видела по телевизору фильм, где со взрослой тёти, которая громко кричала, сняли